

П.Е. Казанский

**История православного
русского монашества**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Е. Казанский**
История православного русского монашества / П.Е. Казанский – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 206 с.

ISBN 978-5-518-11057-1

ISBN 978-5-518-11057-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Болѣ семи столѣтій монашество существовало уже въ Восточной Церкви, когда Русская земля озарилась свѣтомъ Христіанской Вѣры. Съ перваго появленія своего въ пустыняхъ Египетскихъ оно успѣло оказать великія услуги Церкви. Оно образовало сонмы подвижниковъ Христіанства, которые представили въ себѣ живые примѣры самыхъ высокихъ, самыхъ разнообразныхъ добродѣтелей для поученія и вразумленія міра. Святая жизнь отшельниковъ, ихъ высокая духовная мудрость, пріобрѣтенная долговременнымъ опытнымъ прохожденіемъ сколь многихъ обратили отъ пути заблужденія, руководили на пути добродѣтели, подкрѣпляли, утѣшали въ минуты искушеній и скорбей! Въ обителяхъ иноческихъ воспитались многіе великіе Іерархи Церкви, ревностные проповѣдники Христіанства между невѣрными, мужественные защитники православія противъ еретиковъ. Россія, принявшая Вѣру Христову отъ Церкви Восточной, приняла вмѣстѣ съ Вѣрою и иночество. Изъ Греціи пришли въ Русь первые иноки, и правила жизни и духъ иночества, тамъ утвержденные, сдѣлались правилами и духомъ иночества Русскаго. Оно не образовало какого либо новаго ордена, подобно орденамъ монашескимъ на Западѣ, приспособленнымъ болѣе къ временнымъ обстоятельствамъ и нуждамъ Церкви. Это было то же восточное монашество, только пересаженное

на холодную почву Сѣвера. Не отрекаясь отъ служенія Церкви и спасенія ближнихъ, оно цѣлю своею ставило не мірскія заботы, но при отреченіи отъ всего земнаго исканіе одного небеснаго царства.

И не смотря на различіе вѣншихъ условій жизни, иночество Русское принесло такіе же благіе плоды, какъ и Восточное. Подражая древнимъ подвижникамъ Египетскимъ и Палестинскимъ, Русскіе иноки уединялись въ горахъ и пещерахъ, и тамъ вдали отъ мятежа человѣческаго обрекали себя на вседневное уединеніе и всякаго рода лишеныя. Силою благодати Божіей они возносились къ высотѣ Христіанскаго совершенства, и, превозмогая слабости человѣческаго естества, были Ангелами во плоти. Мы удивляемся необыкновенному самоотверженію древнихъ пустынниковъ, подвизавшихся въ Египтѣ, Палестинѣ, Афонѣ, но тоже самоотверженіе проявилось и въ Русскихъ пустынножителяхъ. Непрестанная молитва, строгій постъ, изнурительные труды тѣлесные, совершенное безмолвіе, постоянная борьба со страстями и духомъ злобы — вотъ въ чемъ протекала вся ихъ жизнь. Часто имѣя возможность жить благополучно въ мірѣ, добровольно подвергали они себя всемъ лишеныямъ нищеты и алчбы, носили жесткія власяницы и тяжелыя цѣпи, отказывая себя во всемъ, обогащали другихъ своими трудами, ходили за больными, врачевали недужныхъ, помогали страждущимъ и увѣчнымъ, питали нищихъ. Иногда святые подвижники оставляли свое уединеніе и шли возвѣщать имя Христова невѣрнымъ, и, украшенные всеми добродѣтелями иночества, сіи иноки — Апостолы нерѣдко полагали жизнь за истину Евангелія и къ вѣнцу подвижника присоединяли вѣнецъ мученическій. Иногда исходили изъ своей келліи, чтобы примѣрять враждующихъ князей, водворять миръ и добрую правственность въ отечествѣ, возбуждать мужество воинства къ защитѣ противъ враговъ. Иные, ревнуя совершеннѣйшимъ подвигамъ самоотверженія, заключались въ пещерѣ или келліи,

или восходили на столиць, обрекая себя на совершенное одиночество, добровольно лишая себя наслаждений, даже духовныхъ. Конечно иноческая жизнь, какъ возникающая изъ глубокаго разумнѣя заповѣдей Евангелія о высшемъ совершенствѣ, не могла вдругъ развиться среди народа только что обращеннаго въ Христіанство. Нужно было пройти нѣкоторому времени пока ученіе Христово могло проникнуть глубже въ сердца новообращенныхъ, чтобы могло пробудиться желаніе при совершенномъ отреченіи отъ міра посвятить себя на служеніе Богу. Но и эти частныя порывы не могли бы еще способствовать развитію жизни иноческой, если бы не явился вождь и руководитель на этомъ пути,—одинъ изъ тѣхъ мужей, которыхъ во время благопотребно воздвигаетъ Промыслъ (Свр. 10, 4.). Жизнь иноческая, требующая не минутныхъ порывовъ души, не кратковременнаго пробужденія религіознаго чувства, но постояннаго, неуклоннаго шествія по пути самоотверженія, особенно нуждается въ великихъ руководителяхъ, которые бы утверждали колеблющуюся волю на тѣсномъ пути спасенія. И мы видимъ, что около великихъ подвижниковъ образуются сонмы подражателей ихъ жизни. Такъ было на Востоцкѣ со временъ Антонія и Пахомія; такъ было и въ Россіи.

Первые иноки въ Россіи явились съ первыми сѣменами Христіанства. Отрекшіеся отъ міра, отъ связей семейныхъ и гражданскихъ, они удобнѣе могли оставить свое отечество и идти въ далекую страну, для распространенія Вѣры Христовой. Первые Пастыри Русской Церкви, конечно, привели вмѣстѣ съ собою и иноковъ. Митрополитъ Пларіонъ говоритъ, что въ слѣдъ за крещеніемъ Русскаго народа стали на горахъ монастыри и явились черноризцы (1). Преданіе говоритъ, что еще первый Митрополитъ Кіевскій, святыи Михаилъ, ословать въ Кіевѣ

(1) Слово Пларіона въ прибавл. къ Твор. св. Отцевъ 1844 г. стр. 73.

монастырь на крутой Киевской горѣ, противъ холма Перунова, какъ бы въ знаменіе побѣды быстро водворившагося у насъ Христіанства надъ древнимъ язычествомъ (1). (Есть у Дитмара извѣстіе, что Киевскій Архіепископъ (Авг. 14 д. 1018 г.) встрѣчалъ Болеслава храбраго въ монастырѣ св. Софіи (2). Ярославомъ прежде половины XI в. построены монастыри Георгіевскій и Прининскій (3). Впрочемъ хотя довольно рано появились монастыри въ Россіи, но до насъ дошло только извѣстіе о существованіи ихъ, пока не явился Антоній, истинный) основатель Русскаго монашества. Много монастырей, пишетъ летописецъ, поставлено отъ князей, отъ бояръ, но не таковы они, каковы поставленные слезами, пощениемъ и молитвою. Антоній не имѣлъ ни золота, ни серебра, но стяжалъ слезами и постомъ ». Притомъ первые монастыри были основаны Греческими монахами; только въ Киево-Печерской обители иноческая жизнь возникла изъ народной стихіи. Печерская обитель основана и устроена Русскими, и потому сдѣлалась началомъ и разсадникомъ Русскаго иночества. И какія знаменательныя имена основателей Русскаго иночества! Антоніи—основатель монашества, Феодосій—учредитель общежитія иноческаго, не приводятъ ли невольно на память—первый Великаго Антонія, основателя иночества въ Египтѣ,—второй Феодосія, начальника общаго житія въ Палестинѣ? И Печерская обитель при своемъ началѣ какъ будто усвоила себѣ и строгое подвизничество Египта, и добродѣтели общежитія Палестинскаго. Въ первыхъ подвижникахъ Печерскихъ мы видимъ какъ бы начатки, кои благословенное отечество наше принесло Богу, какъ бы въ благодареніе за небесный свѣтъ, не задолго предъ тѣмъ озарившій племена Славянскія.

Начавшись въ XI в. иноческая жизнь въ Россіи, въ XII

(1) Синодс. Киевск. листъ 42, (2) Chron. Lib. VIII. n. 10. (3) Полн. Собр. лѣт. т. I. стр. 63.

столѣтій распространилась по всеѣмъ ея предѣламъ, — и это время было самымъ цвѣтущимъ временемъ въ древнемъ періодѣ Русской Исторіи. Въ XIII вѣкѣ основаніе новыхъ монастырей принадлежитъ уже болѣе Князьямъ, нежели подвижникамъ. Но глубоко вѣрны слова лѣтописца, что не таковы монастыри, поставленные отъ Князей и бояръ, каковы поставленные слезами, пощеньемъ и молитвою. Жизнь иноческа замѣтно начала ослабѣвать не столько числомъ иноковъ сколько духомъ иночества. Трудно опредѣлить, что было причиною этого упадка — внутренніи ли смуты Россіи, терзаемой междоусобіями, или приближеніе обителей иноческихъ къ городамъ и къ лучше мирскихъ селеній къ иноческимъ обителямъ; Въ половинѣ XIII вѣка, буря нашествія Монгольскаго испровергла множество обителей, разсѣяла иноковъ и инокинь, и знаменитыя обители пали надолго. Новая жизнь Русскому монашеству дана была Преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ. Хотя онъ вдалекѣ отъ Москвы, но въ глуши лѣсовъ основалъ онъ свою обитель. Подъ его руководствомъ воспитались многіе подвижники, которые по всеѣмъ концамъ Сѣверной Россіи основали обители и въ нихъ внесли новый духъ иночества, пробужденный ихъ Великимъ Учителемъ. Подражая своему наставнику, свои монастыри они основывали болѣе вдали отъ селеній. И монастыри начали множиться тогда, какъ стали строить ихъ во глубинѣ лѣсовъ, вдали отъ шума и молвы житейской.

Такимъ образомъ при изложеніи исторіи Русскаго монашества, время появленія Преподобнаго Сергія на поприщѣ иноческихъ подвиговъ можно почитать началомъ новаго періода исторіи монашества. Конечно, правила иночества остаются тѣ же, но оно, возвышенное къ первобытной строгости и чистотѣ, приобретаетъ болѣе значенія въ жизни народа Русскаго, распространяется и утверждается въ новыхъ мѣстахъ. И со времени Преподобнаго Сергія въ исторіи монашества мы становимся на болѣе твердую почву. Для перваго періода исторіи

монашества довольно скудны источники. Жизнь Преподобнаго Оеодосія написанная блаженнымъ Несторомъ, посланія Симона и Поликарпа, конечно, раскрываютъ передъ нами исторію Печерской обители,—но это почти единственные источники. Кромѣ нихъ мы должны довольствоваться только короткими извѣстіями лѣтописцевъ. Жизнь другихъ подвижниковъ иночества сохранилась въ сказаніяхъ очень не близкихъ къ времени ихъ жизни,—и эти сказанія скудны собственно историческимъ содержаніемъ. Почти не дошло до насъ отъ этого времени и памятниковъ внутренняго управления обителями, которые бы могли ближе знакомить съ состояніемъ обителей какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Между тѣмъ съ XV в. жизнь великихъ подвижниковъ передается почти современниками ихъ. Нельзя не сожалѣть, что эти памятники нашей духовной литературы доселѣ извѣстны только по рукописямъ. Не говоря о томъ, что обнаруженіе сихъ памятниковъ открыло бы, какихъ великихъ подвижниковъ имѣла Русская Церковь, и чрезъ это въ живыхъ опытахъ представило бы дѣйствующую въ православной Церкви благодать Святаго Духа;—эти сказанія сами заслуживаютъ вниманія. Онѣ образуютъ цѣлый отдѣлъ Руской древней литературы; въ нихъ встрѣчаются многія подробности о жизни Русскаго народа, которыя могутъ служить важнымъ дополненіемъ къ сухому разсказу лѣтописей. Кромѣ житій Святыхъ для исторіи Русскаго монашества съ XIV в. сохранилось немало другихъ актовъ историческихъ и юридическихъ, знакомящихъ съ внутреннимъ состояніемъ обителей.

Мы займемся теперь изложешемъ исторіи Русскаго монашества до времени Преподобнаго Сергія Радонежскаго.

Исторія монашества не есть исторія монастырей. Но такъ какъ въковой опытъ показываетъ, что цвѣтущее состояніе обителей зависитъ отъ сохраненія истиннаго духа иночества,

то и судьба обителей иноческих должна себѣ отчасти находить мѣсто въ исторіи монашества, главнымъ предметомъ которой должно быть изложеніе жизни подвижниковъ иночества. Но исторія монашества была бы неполна, если бы она ограничивалась только изложеніемъ жизни подвижниковъ, не касаясь ихъ писаній, въ которыхъ они излагаютъ свои мысли объ иночествѣ, свой взглядъ на духовную жизнь. Потому тамъ, гдѣ есть возможность, исторія монашества должна знакомить и съ писаніями иноковъ.

По самому предмету своему исторія монашества отличается отъ всякой другой исторіи. Она должна представлять не внѣшнія событія, измѣняющія судьбу человѣческаго рода, совершающіяся передъ взорами всего міра, но внутреннюю жизнь души—подвиги самоотверженія, совершаемые въ уединеніи пустыни, въ тишинѣ келли. Задача сей исторіи представить стремленіе души подвижниковъ къ соединенію съ Богомъ, тѣ препятствія, съ которыми они встрѣчались на этомъ пути, искушенія, съ какими они боролись, тѣ средства естественныя и благодатныя, которыми они преодолевали всѣ препятствія, ихъ паденіе и возстаніе. Для взора историка можетъ быть замѣтно постепенное возрастаніе царствъ, но неуловима для наблюденія постепенность возрастанія подвижниковъ въ мѣру совершенства. Цѣль ихъ подвиговъ и вѣнецъ ихъ сокрываются въ будущей жизни, въ царствіи небесномъ. Плоды ихъ подвиговъ, часто спасительныя для цѣлыхъ обществъ, болѣею частію незамѣтно оказываютъ свое дѣйствіе, какъ сокровенно дѣйствіе благодати привлекаемой ими на міръ. Не смотря на то, что исторія монашества ограничивается болѣе изложеніемъ внутренняго состоянія души, и потому можетъ казаться однообразною, она имѣетъ высокій интересъ. Если интересъ всякаго историческаго дѣйствія состоитъ главнымъ образомъ въ проявленіи въ немъ съ одной стороны силы духа человѣческаго, съ другой намѣреній Божественнаго промысла;

то не интересно ли видѣть и изучать свойства духа человѣческаго въ его лучшихъ стремленіяхъ, усматривать близкіе и самые очевидные опыты попеченія Промысла Божественнаго, отечески пекущагося о вѣрныхъ рабахъ своихъ? Притомъ и самая внутренняя жизнь души не безконечно ли разнообразіе высшей жизни, служащей только слабымъ ея проявленіемъ?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ поучительно углубляться въ созерцаніе жизни подвижниковъ иночества, изучать ихъ совѣты и наставленія для духовной жизни! Это иной міръ, какъ бы недоуѣдомый настоящему времени. Въ немъ такъ очевидно дышетъ духъ благодати небесной, усматриваются черты высшей Ангельской жизни. Не возвышается ли самъ собою духъ нашъ, обращаясь мыслію съ такими великими свѣтильниками? И если еще сіи подвижники близки намъ по своему происхожденію, подвизались тамъ, гдѣ живемъ мы, — не должно ли это еще болѣе увлекать сердце наше къ нимъ? Въ самомъ дѣлѣ съ любовью и радостію мысль благочестивыхъ подвижниковъ настоящаго времени должна обращаться къ первымъ временамъ Русскаго иночества. Кто ревнующій о спасеніи своей души не хотѣлъ бы перенестись во времена Антонія, Θεодосія или Сергія, чтобы отдать себя въ послушаніе имъ, и въ ихъ жизни и словахъ почерпнуть себѣ наставленія. «Желалъ бы я, бесѣдовалъ въ Лаврѣ Преподобнато Сергія инокъ—Пастырь Русской церкви (1), желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ Лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено имя Пресвятыя Троицы. Вошелъ бы въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца

(1) Слово Митроп. Филарета на освященіе храма Явленія Божіей Матери Преп. Сергію. Изд. 2-е т. 2-й, стр. 67. 68.

молящихся горять тише и яснѣ свѣщи, и пламень достигаетъ до неба и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчесственныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прахъ ея стѣней, который истертъ ногами святыхъ и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы небесная. Укажите мнѣ еще другія стѣны другой келліи, которая въ одинъ день своими руками построилъ Преподобный Сергій и въ награду за трудъ дня и за гладъ нѣсколькихъ дней получилъ укрупъ согнивающего хлѣба. Посмотрѣлъ бы я, какъ позже другихъ насажденный въ сей пустынь Преподобный Никонъ, спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ Преподобнаго Сергія. Послушалъ бы я молчанія Исаакіева, которое, безъ сомнѣнія, поучительнѣе моего слова. Взглянулъ бы на благоразумнаго Архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у Преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ». Но прошедшее невозвратно. Только исторія можетъ оживить передъ нами образы великихъ подвижниковъ ипочества. Она переноситъ насъ, такъ сказать, въ самое лоно древней Церкви, знакомя съ жизнію и ученіемъ святыхъ подвижниковъ, вводитъ въ общеніе съ ними, научаетъ мыслить, чувствовать и дѣйствовать согласно съ ними. Въ живыхъ примѣрахъ, въ несомнѣнныхъ опытахъ она предлагаетъ намъ многообразныя наставленія. Во всякомъ состояніи духа, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, среди многообразныхъ скорбей и искушеній мы найдемъ у святыхъ подвижниковъ наставленія, совѣты, руководство, спасительная сила которыхъ подтверждена очевиднымъ опытомъ. Святые подвижники глубоко вникали въ свою душу; многія движенія и состоянія души, которыя мы опускаемъ безъ вниманія, они опредѣлили, и

потому у нихъ мы можемъ научиться знать самихъ себя. Такъ много интереснаго и поучительнаго можетъ представлять исторія монашества! Да дастъ намъ Господь Иисусъ Христосъ быть не любопытствующими только изслѣдователями жизни и ученія святыхъ подвижниковъ, но усердными подражателями имъ!

